

- [О возможности и невозможности страданий для Бога](#)
-

О возможности и невозможности страданий для Бога

1. Однажды, когда я намерен был возвратиться в то место, где обычно проводил время, некий муж, имя которого было Феопомп, спросил меня, бесстрастен ли Бог? Я же немного помедлил и, сжав губы, ответил: «Как мы можем говорить, о Феопомп, что Бог подлежит страданию?» И, когда он пытался с моим ответом связать другой вопрос, я, более ускоряя шаг, поспешил, чтобы достигнуть того места, где обычно друзья собирались с друзьями, и, лишь только я сел возле тех, которые там были, я протянул им руку и приготовился спросить у них о том, что сказано было мною в предшествующий день. Но пришел Феопомп и, заняв место подле меня, начал говорить так: «Необразованные и незнакомые с наукой должны, о Григорий, старательно поучаться у ученых и у знающих все. А так как я решил снова усердно заняться этим предложенным мною вопросом, то я прошу тебя дать врачество для этих мыслей, которые взаимно борются между собой и которые, постоянно пребывая во мне, расстраивают мой ум. Прошу тебя укрепить меня теми ясными доказательствами, которые у тебя по этому вопросу готовы в изобилии».

2. Когда после этого прошло некоторое время в глубоком молчании, я начал говорить так: «Великое и превосходное расположение оказал нам возлюбленный наш Феопомп, желая возобновить тот вопрос, которым, как я думаю, по необходимости должен заниматься каждый, [именно]: «Возможно ли страдание для Бога?» На этот вопрос я дал скорый ответ: «Как возможно, о Феопомп, не исповедовать, что Бог бесстрастен?» Далее, когда присутствующие начали между собой много пустословить по этому поводу, то и я спросил Феопомпа, в каком смысле он понял то, что было сказано мною. Он же ответил так: «Если Бог по природе бесстрастен, то из этого следует, что Он никогда не может страдать, даже если бы хотел, так как в таком случае Его природа совершала бы то, что противно Его воле». На это я дал такой ответ: «Не богохульствуй, о Феопомп, и не подчиняй Бога силе необходимости, противопоставляя воле Его природу. Ибо если Бог не делает того, что Он хочет, то отсюда действительно следует, что Его постигает величайшее страдание, так как [в таком случае] должно сказать, что воля Божия подчинена природе. Этого совершенно не должно быть. Мы полагаем, что так думают те, которые в значительной степени восприняли в себя дух дерзости, и что они подчиняют Бога силе необходимости. Но мы должны, о Феопомп, представлять так, что всемогущая природа Божия никогда не может воспрепятствовать Ему делать то, что Он хочет, так как нам надлежит говорить, что Бог превыше всего и ничему не подчинен. Неужели от тебя укрылось, о любезнейший, что один только Бог свободен, над всем возвышен, все может и не подчинен никакой необходимости? Поэтому нечестиво отнимать свободу у всемогущего Бога».

3. Отвечая на это, Феопомп присовокупил: «Пусть будет так, как ты сказал, именно что Бог свободен. Ибо мы не дерзаем отнимать у Бога свободу; но этот ответ не разрешает моего вопроса, славный учитель Григорий. Ибо я спросил тебя: бесстрастен ли Бог? Ты в своем ответе признал, что Бог бесстрастен. Тогда, возражая, я снова спросил тебя: бесстрастное по своей природе не заключает ли в себе препятствия к тому, чтобы претерпевать человеческие страдания, поскольку природа его блаженна и нетленна? Итак, я спрашиваю: не заключает ли Бог в самом Себе препятствия к тому, чтобы претерпевать страдания, так как Он всегда тот же, если примем во внимание бесстрастие Его природы? Следовательно, я хотел бы присущим тебе благочестием быть приведенным к ясному пониманию этого предмета и у любви твоей ревностно поучиться, ибо я нахожусь в сомнении, может ли бесстрастный Бог претерпевать что-либо несогласное с Его природой, поскольку, как мы сказали, Он бесстрастен? Даже более того — мою мысль поразило то, что некоторые говорят не совсем безрассудно, именно что будто бы

так как природа Бога противодействует Его воле, то и самый вопрос бесполезен. Ибо если бесстрашие Божие не допускает человеческих страданий, то почему я не мог бы смело ответить тебе, сказав, что природа Бога противится Его воле? Отсюда, как я прежде сказал, бесстрастная природа Божия могущественнее Его воли, хотя бы последняя была Бог».

4. Далее, так как многие из тех, которые пришли, ожидали, что я отвечу на так поставленный мне вопрос, я тотчас охотно дал ему следующий ответ: «Возлюбленный Феопомп, справедливость требует, чтобы мы говорили и понимали, что человек, природа которого состоит из души и тела, не может делать чего-либо такого, что было бы противно его воле, так как организация его природы и строение его тела связаны законом Творца. Вследствие этого принуждения необходимости, которая сильнее человека, человеческая воля не может свободно совершать все то, к чему она стремится, поскольку как природа, так и воля — каждая влечет человека в свою сторону. Поэтому человек во всех отношениях ниже своего Творца. Ибо все, что подлежит рождению и тлению, [в этом самом] имеет препятствие к тому, чтобы все мочь. Поэтому нам следует знать, что природа Божия неизреченна и неизъяснима, не имеет подобия ни с чем, не подчинена никакому закону, никакой необходимости, никакой привычке, косности, страху, возрастанию, болезни, но все может совершать силою, которая все препобеждает и никем не преодолевается. Но никогда, о Феопомп, не следует так представлять Бога, как будто бы Он вошел в противоречие со Своей волей — потому именно, что Он подверг Себя самому страданию, хотя по природе Своей бесстрастен. Ибо волю Божества мы не отделяем от той блаженнейшей сущности, которая неизменна, оставаясь одной и той же, в едином образе, едином бытии, в единой неизменяемой воле, которая научается от себя самой, сама себе повелевает и сама от себя самой и в себе самой и через саму себя все может делать. И действительно, Его бесстрастная природа ни в чем не препятствует Его воле совершать то, что хочет, так как во всякое время она одна и та же. Ибо я сказал, что Он един и что тот именно в собственном смысле Бог, кому никакая сила не может воспрепятствовать делать то, что хочет. Далее, так как воля одной не согласна с другой, отсюда следует, что людьми не осуществляется всегда то, что они хотели бы совершить, потому что природа одной части противодействует природе другой, препятствует делать то, что она хочет. Тот же. Кто один только неограничен, благ и славен, Кто Своей благостью все определяет, Кому подчинено все, что есть и было. Кто превосходит все, у Кого нетленный разум. Кто чужд и выше всякого зла, как я сказал раньше, — Он один только прост и несложен, не смешан со злом вследствие единства Своей сущности, единая благая воля, неделимая, никогда не поругаемая, не волнуемая, не ослабляемая, не исследимая, никогда не побеждаемая или подавляемая; Он выше всяких страданий; Он Сам Себя определяет во всем, что намеревается делать, так как Его природа не допускает никакого препятствия, поскольку Он чужд всякого возмущения и с Ним ничто не состязается и не восстает против Него; Он свободен и Своей волей господствует над всем, и силой Своей, превосходящей все, Он может все совершать. Не думай, о друг, что Тому, Кто всем обладает, Кого никто не может подвергнуть страданиям и Кому никто не может противостоять, — можно воспрепятствовать совершать то, что Он хочет».

5. В ответ на это Феопомп сказал мне: «И я также, учитель Григорий, хорошо знаю, что Бог обладает могущественнейшей волей, совершенной свободой и господством над всем и что никто не должен спорить о том, что ты утверждаешь. Но то, относительно чего я остаюсь в недоумении, состоит в следующем, именно не заключает ли природа Божества в самой себе препятствия к тому, чтобы страдать; и существо, которое бесстрастно, не возбраняет ли своей воле претерпевать страдания, что, конечно, было бы чуждо ему самому и для него неприлично? Это так [очевидно] из ясных доказательств, которых тобою приведено больше чем достаточно. А если бы кто выступил против этих объяснений, на того должно было бы смотреть не только

как на невежественного, но и как на безрассудного, нечестивого и в высшей степени дурного. Ибо надлежит предоставить Богу господство и власть над всем; а так как я предпочитаю избрать благое и отвергнуть злое, то, поскольку бесстрастная природа Бога всегда одна и та же, я решил исследовать и узнать, имел ли Бог когда-нибудь намерение претерпевать человеческие страдания».

6. На это я ответил: «Хочешь ли ты, о Феопомп, действительно и искренне отступить от воззрений Исократы и совершенно оставить их, чтобы обратиться к здоровым мнениям истины, которые я изложил тебе в ясных доказательствах? Слушай поэтому, внимательно слушай, о Феопомп, и старательно вникни своей мыслью, надлежащим образом слагая в своем сердце то, что я скажу тебе. Страдание тогда действительно было бы страданием, если бы Бог имел намерение (сделать) что-нибудь бесполезное и для Него непристойное. Но когда Божественная воля подвигалась для уврачевания дурных помышлений людей, тогда мы не можем сказать, что Бог страдает от того, что Своим унижением и высочайшим благоволением послужил людям. Поэтому, так как сердце людей отвратилось от истинной религии и, наподобие животных, оказало материи больше чести, чем Богу, и, что было непосредственным следствием этого, жадно устремилось на гнусные удовольствия, то Бог восхотел отвлечь людей от этого. Но в Боге не почитаются страданиями те страдания, которые по собственному хотению Он претерпел для общего блага человеческого рода, когда Его блаженнейшая и бесстрастная природа вовсе не противодействовала [этому]. Ибо Он в своем страдании показывает бесстрастие. Ведь, если кто страдает, тот страдает лишь в том случае, когда страдание насильственно оказывает свое действие на того, кто страдает помимо его воли. Но о том, кто при бесстрастии своей природы добровольно становится причастным страданиям, чтобы совершенно победить их, мы не говорим, что он подвергается страданиям, хотя бы своей волей он участвовал в страданиях. Ибо посмотри, как врачи, когда хотят излечить тех, которые мучаются ужасными болезнями, с радостью переносят труд, чтобы помочь больным, предвкушая радость от надежды на будущее выздоровление. Слава и известность, которые врач приобретает лечением страждущих, смягчают отвращение и устраняют тягость труда. Врач на время забывает о своем достоинстве и смиряет свою волю, почему, принимая вид раба, делается невольником больных и свое достоинство низводит до подобия рабства. Однако этого унижения мы не называем унижением для врача ради выздоровления, которое проистекает отсюда, и мы не думаем, что он лишился достоинства, когда видим, что он добровольно исполняет обязанности слуги. Ибо, совершив то, что медицинское искусство призывало его исполнить, он тогда радостно снова принимает прежнее достоинство: здоровье, которое он желал, доставляет ему больше радости, чем почет, которым он раньше пользовался. Впрочем, он ничего не потерял за то время, когда, преклонив голову, исполнил обязанности слуги и оказал милость лечением больных тел. Ибо, он знал, что ему нужно на известное время принять на себя некоторое унижение, чтобы снова дать здоровье больным, вследствие чем он получит славу гораздо большую, чем унижение. Итак, почему мы не могли бы сказать о Том, Кто один только благ и Кто выше суетной славы, чужд унижения, бесстрастен в страданиях и превьше всего, что Он в Своем бесстрастии поднял Свой скипетр над страданиями, так как Своим страданием заставил их страдать? Ибо перенесение [Им] страданий было бесстрастным, так как Своим страданием Он причинил им страдание и в Своем страдании показал Свое бесстрастие. Ибо, что страдания производят по отношению к подверженным страданиям, то же сам Бесстрастный производит Своим страданием по отношению к страданиям, вследствие чего при Своем бесстрастии явился страданием страданий. Итак, когда мы утверждаем, что страдания побеждены в их деятельности вследствие того, что Бесстрастный был причастен им, то как иначе мы можем назвать это, если не так, что Он был страданием страдания? Ибо если адамант, когда по нему ударили железом, не страдает

от удара, а, напротив, остается невосприимчивым к страданиям, каким и был, так что поражения от удара возвращает на ударяющего вследствие того, что алмамент по своей природе является нечувствительным к страданиям и не подвергается страданию, то почему мы не можем сказать, что Бесстрастный был страданием для страданий? Ибо как не изобразить страданием страданий Того, Кто не терпит вреда и страхом не устрашается, хотя бы Он добровольно и вошел с ними в общение? Или как не бесстрастен Тот, Кто, проходя через смерть, не был утрашен смертью? Пришествие Бога на смерть явилось смертью для смерти, так как Он не был удержан ею; подобным же образом бесстрастие Бога было страданием страданий, когда Он снизошел до страданий. Ибо если предметы мира сего, когда смешиваются с противоположными им предметами, поистине обнаруживают свою силу и невосприимчивую к страданиям природу, то насколько более мы должны разуметь, что страдание Бога было страданием для страданий? Ибо, как железо, ударяя алмамент, принимает на себя удар и само получает повреждение от удара вследствие твердости алманта, так и о Боге, Который силен по Своей воле и бесстрастен по Своему существу, когда Он принял на Себя страдания, как не сказать, что Он пребыл в Своем бесстрастии даже в то время, когда подвергался пытке железом и огнем, поскольку природа Божества сильнее всего, даже когда она в страданиях? Ибо истинным доказательством Божественного бесстрастия и бессмертия должно признать то, что, находясь под действием страдания. Он Сам явился причиною страданий, поскольку этим доказательством обнаруживается, какова была причина того, что совершилось. Ибо мы не знали бы, что Бесстрастный [действительно] бесстрастен, если бы Он не вошел в общение со страданиями и не устоял против силы страданий. Ибо под видом страданий Бесстрастный проник в страдания, чтобы своим страданием показать, что Он — страдание для страданий. Натиска бесстрастия не могли выдержать страдания, и мы не должны удивляться, о ученый Феопомп, что бесстрастие Божества явилось поруганием для страдания, когда мы видим, что глаза, напряженно устремленные на солнце, чтобы исследовать лучи, претерпевают страдание от лучей.

7. Что мы стремимся показать этим, так именно то, что тот Бог, Который настолько выше тления и страдания, смерти и какого бы то ни было повреждения, что все должны признать Его недоступным для страданий, поистине был уничижителем страдания, так как страдания не в состоянии были противостоять Ему, Он действительно бесстрастен и в собственном смысле посрамил смерть, так как Своей Смертью Он утвердил Свое бессмертие и Своим страданием показал Свое бесстрастие. Когда атлетам, одерживающим победу в состязании, даруется венец и когда тем, которые признаны достойными триумфа, предоставляются награды за победу, то последние можно давать только тем атлетам, которые, будучи испытанными в состязании и борьбе, заслужили венец победы. Совершенно подобным образом надлежит говорить и о бесстрастии. Бесстрастие не стоит выше страданий, если оно прежде не показало своей силы. Итак, страдание в Боге не является, как некоторые желают, унижением или слабостью, так как возвышенная природа Божия показала свою неизменяемость, когда подверглась испытанию в страданиях. Ибо о Том, Кто был во вратах смерти и Кто, будучи бессмертным, как Бог, своим бесстрастием победил смерть, должно возвещать, что Он — Бог, так как Он не подлежит никакой власти, не удерживается никакой силой, не склоняется перед тлением, не волнуется скорбью, не объемлется смертью. Он есть Бог, над всем владычествующий, это — истинное господство, это — власть, никому не подчиненная, так как, поправ смерть, Он ничего не потерпел от смерти.

8. Те же, которые хотят хулить эту над всем возвышенную мудрость и эту в своем величии сокрытую от всех волю; которые отвергают превосходство могущества того Бога, смертью Которого бесстрастие распространено на всех; которые осмеивают пришествие Бога на смерть и

не разумеют, что превосходящее сияние Его пришествия должно воспринимать оком своего ума, и объявляют вздорной басней непостижимое и недомыслимое пришествие Бога на смерть без истления, — эти пусть, если и угодно, пребывают в своем ложном познании, как во мраке, будучи предопределенными для смерти и тления. Ибо (мы не понимаем), как можно назвать злодеем царя или князя, который вошел в темницу, чтобы произнести приговор относительно злодеев, содержащихся там, по делам их, и вследствие этого перенес дурной запах и брань, если, конечно, он добровольно пришел к дурным людям, которые заключены в темнице? Необходимо, чтобы так мы думали и о Боге. Ибо на Него вследствие Его бесстрастия смерть не может нападать, и поскольку Он бессмертен, то без страха может попрасть смерть; силою же Божества Он остался чуждым страданий и победил силы смерти, по человеческому выражению, истинно сделался причастником смерти. Итак, когда мы слышим, что Бог пострадал, мы должны разуметь это относительно пришествия Его на смерть, поскольку Он вовсе не воспринял в Себя страданий смерти — бесстрастной и бессмертной Своей силой Он явился на смерть и от смерти уходит, как Бог, Который все может. Пришествие на смерть ясно показало Его Божественную силу и бесстрастие Его по существу, так как Он не был удержан смертью. Ибо кто из смертных мог когда-либо презреть смерть? Или кто из людей когда-либо избежал силы владычества смерти? Но если это невозможно, как это и на самом деле есть, то необходимо, чтобы мы предоставили власть над смертью единому только Богу. Итак, Бог входит во врата смерти и смерти не претерпевает. Те же, которые за преступление заповеди осуждены на смерть, — они век пребудут в смерти. Итак, на какое основание опираются те, которые смеются над мудрым пришествием Бога на смерть, как над недостойной Бога вещью и крайним унижением, и те, которые так проповедуют, считают детьми и безрассудными?

9. Ввиду бесстрастия Бога, Который через смерть и уничтожение явился победителем, не воображай, о возлюбленный мой Феопомп, будто невозможно было, чтобы Бог пришел на смерть и претерпел то, что относится к смерти, без обмана. Ибо если древние мудрецы могли рассказывать о некоем животном, что оно хотя и слабое по своим силам, однако препобеждало силу огня, так как, брошенное в огонь, который все сжигает им охваченное и в нем движущееся, не терпит от огня никакого вреда, так что мы можем сказать, что оно выше огня, который все сжигает, потому что оно отражает силу огня и вследствие большого количества холода, которым обладает, охлаждает жар пламени, ничего не претерпевая от действия огня, который все повреждает; если, говорю, саламандра, смертное животное, подверженное тлению вследствие большого количества холода, который содержит в себе, делает недействительным жар пламени, — то как не сказать, что Бог, Который выше смерти и тления, в своем пришествии на смерть обладал нетлением? Итак, если животное, подверженное тлению, будучи брошено в огонь, переносит огонь; если вещи, взаимно противоположные, по силе, присущей в природе, могут противостоять разрушению, когда соединяются с иными вредными для них вещами, то как мы можем удивляться, что существо, высшее материи и во всех отношениях бесстрастное, своим причастием смерти показало бесстрастие своей природы и вместе с тем своей смертью посмеялось над страданиями и смертью? В этом состоит неизменяемость и бесстрастие Божие. Ибо какой вред претерпело то блаженнейшее существо пришествием в этот злой мир и восприятием для [спасения] душ подобия смертных людей, не лишаясь ничего из своей Божественной силы, но оставаясь таким же, каким было? Каким образом блаженнейшее существо могло бы не оставаться всегда тем же, когда его сущность не может потерпеть никакого вреда и его воля — противоречия и насилия? Но Кто тем, что мы перечислили, никогда не умаляется. Тот как не может быть назван бесстрастным, особенно если, всегда оставаясь тем же и Своей волей Сам Собою управляя, Он щедро раздает свои дары? На малое время он принял образ человека, так как, по Своему мудрейшему плану, Он совершил то, что

хотел, и Своей всемогущей волей осуществил то, что имел намерение совершить, всегда сохраняя Свое Божественное могущество, оставаясь тем, чем был, ничего не терпя в страданиях, так как Его бесстрастная природа и в Его страданиях пребыла такой же, какой была. Поскольку если бы с соизволения блаженнейшего существа отделилась субстанция. Им [воспринятая], то [через это] не умалится Его собственная субстанция, так как Его Божественная природа показала, что она неизменяема, поскольку удары, рассечения, болезнь и скорбь никогда не могут причинить вреда Богу. Ибо, что побеждается страданием и изменяется от тления, об этом должно сказать, что оно страдает, а что совершается превосходящей Божественной мудростью и дивным домостроительством Божественного провидения, на то не должно смотреть как на страдания Бога, потому что вследствие бесстрастия Бога в этом не обретаётся ничего, что производило бы страдание. Сколько бы меч ни рассекал пламени огня, он своим ударом не произведет разделения, хотя тело проходит через тело. Итак, если непостижимо рассечение некоторых тел, подверженных тлению, потому что огонь всегда остается одной и той же субстанцией и никогда не терпит разделения, так как за ударом железа непосредственно следует соединение, ибо тонкость огня не позволяет разделению оставаться в нем, даже когда рассекается железом, так как железо со всех сторон опоясывается силою [огня], и с какой бы стороны последний ни пронзался железом, пламя крепко держится самого себя и никогда не разделяется; если, далее, разделение осязаемого тела, именно огня, неисследимо и непостижимо, — насколько более должно сказать о Существе блаженнейшем, чуждом тления, превосходящем могущие страдать тела, существа и природы, которое превышает всякого представления, что Оно и в своих страданиях всегда пребывает одним и тем же, особенно когда Его бесстрастная природа при смешении со страданиями ни в каком отношении не поражается ими. Оставаясь непостижимым и непобежденным, Оно (блаженнейшее существо) Своим бесстрастием посмеялось над страданиями, так что, подвергая Себя испытанию железом. Оно всячески показывает тогда Свою силу, пребывая не затронутым им. Чистота Божества, предвидение, неосязаемая тонкость не только не разделяются телами, которые приближаются к ним, чтобы разделить их, так как они выше и превосходнее каких бы то ни было тел; но мы утверждаем, что, [напротив], разделяются тела, которые хотят поразить и разделить Божество, которое не разделяется, и тонкость природы, и чистоту Его сущности. Но Оно (Божество) само проходит через все тела и в них производит разделение, так как для Бога легко разделить все тела.

10. Итак, закончив это, нам надлежит сделать такое заключение, именно что в страдании обнаружилось бесстрастие Божества и всяческими способами доказана сила Его мудрости, даже тогда, когда Оно подвергло себя страданиям. Не думай, возлюбленный Феопомп, что блаженнейшему существу невозможно пройти через все тела, которые причиняют страдания, когда мы видим, что светлые лучи солнца проходят через чистое стекло и что вообще тела, имеющие различную природу, никаким образом не встречают препятствий к тому, чтобы утонченным образом проходили через другие. Но если материя одного существа не препятствует материи другого проходить через нее вследствие своей тонкости, то как нам не согласиться, что Божественная сущность, которая возвышеннее и превосходнее всего, беспрепятственно проходит в силу своей тонкости через все тела, какие ей встречаются, так что Божество никаким образом не претерпевает от страданий? Ибо известно, что природа блаженнейшего и нетленного существа всегда остается одной и той же. В том сравнении, которое я привел, [взятом] от солнечных лучей, самый свет остается тем же, ни в каком отношении не уменьшенным, хотя он от своего сияния уделяет нуждающимся. Насколько же более Бог, существо блаженнейшее, возвышенное над всем, богатый милосердием при раздаянии Своих благ нуждающимся, пребывает тем же и ничего не лишается, так что не

должно, как говорят некоторые в своих нелепых баснях, неисследимое и неизъяснимое снисхождение Бога к людям называть страданием Бесстрастного. Они, конечно, предварительно не подумали, что неисследимого Бога не могут удержать ни Его природа, ни какое-либо иное существо от того, чтобы Он следовал Своей воле. Мы утверждаем, что только Тот [действительно] является высочайшим, свободным. Кто не претерпевает противодействия от закона своей природы, Кто не может быть побужден силою к восстанию против [иного, высшего] Могуущества, Кто не удерживает в царстве богатства. Кто не страшится величия Своего Божества и от смерти не содрогается. А если боится огня, содрогается железа, устрашается преисподней, бездны, не хочет быть отданным диким зверям, — таким образом этого, который так удаляется от пагубных для людей бедствий, мы можем назвать Богом? Если же блаженнейший и нетленный Бог пришел в огонь, не боясь огня, так как Он всегда пребывает одним и тем же, и презрел огонь вследствие того, что огонь не всегда тот же, — ибо как мы можем об огне, сила которого терпит убыль, сказать, что он всегда один и тот же? — но об этом Боге, презирающем железо, пренебрегающем огнем, не боящемся смерти, как мы можем не сказать, что Он бесстрастен, когда Он в Своих страданиях остается тем же, добровольно принимая на Себя человеческие страдания, но не претерпевая болезненных ощущений, проистекающих из человеческих страданий. Ибо тот есть Бог, Кто всегда остается одним и тем же. Кто же терпит вред от страданий, поражается болезненными ощущениями, силою необходимости удерживается от того, чтобы совершать благое, тот не Бог, хотя бы он и назывался богом. А кто не подлежит смерти, кто своим страданием показал свое бесстрашие, тот может прийти и совершить то, что пристойно совершать Богу — помощнику, и может измениться в мой, [человеческий] образ, однако пребывая в своей неизменяемости, и быть всем, будучи вне всего. Та воля бесстрашна, которая силою необходимости не удерживается от того, чтобы прийти к тем людям, которые жаждут Божественного Промышления. Но Тот, Кто, созерцая величие Своего Божества в Своем прекрасном блаженстве, избрал Себе молчание и который один только пребывает в счастье Своего естества, презирая все прочее, потому что Он предпочел бездеятельность, которую Он избрал для себя, — каким образом такое совершеннейшее существо не окажется значительно ниже тех смертных, которые не пощадили своей жизни, чтобы помочь своим отечественным городам или друзьям, которые своей волей стали выше мучения и вследствие своей выдающейся доблести причиненные им мучения не считали мучениями? Первый же тот, которому было имя Теос, он предпочел смерть, чтобы [сограждане] не служили лакедемонянам. Энаминод также был умерщвлен, чтобы афиняне не были доведены до рабства; Левкипп был убит, чтобы агуляне не заплатились рабством; Феодор отрезал себе язык, чтобы не предать друзей; Физон был распят, чтобы не лишиться доверия, которым он пользовался; Анаксарх был рассечен, чтобы своей ложью не смущать Никоклеса; Диогрес был изгнан афинянами, Сократ умерщвлен, Филоксену приказано ломать камни, а Каллимаха и Кинегера мы должны не только хвалить, но и удивляться им, ибо, когда пронзенное стрелами тело, как говорят, было бездыханным, он был страхом для врагов, помощником же и защитником для своих сограждан. Хирон, не щадя себя, с радостью отдал свою голову врагам. Как не удивляться Аммонию, который, не обращая внимания на боль от раны, побежал в свой город, чтобы известить об одержанной над неприятелем победе, и который, лишь прибыл в город, сказав собравшимся гражданам: «Радуйтесь, мы победили», тотчас испустил дух? Опять также Еврот, когда лежал в постели больной, услышав, что война, бывшая в то время, усиливается и македоняне стоят, угрожая согражданам, побуждаемый любовью к своим соотечественникам, приказал слугам отнести его в сражение, где он мог бы умереть с согражданами. Аристомем же, который уклонился от войны и бежал в Спарту, почитался всеми презренным и отверженным.

11. Итак, обрати внимание, возлюбленнойший, какое и сколь великое презрение к смерти показали смертные, ради отечества и друзей обнаруживая мудрость и силу. Некогда ради друзей они не щадили жен, презирали жизнь и ради своих отечественных городов без колебаний предпочитали потерять жизнь. Они неудержимо возрастали в своей свободе и в служении добродетели, с радостью не только допустили быть рассеченными тиранами, но даже не уклонились от того, чтобы быть прибитыми гвоздями к дереву, смертью приобретая себе свободу.

12. Бог же, Который не имеет нужды в славе и Который выше страданий, Сам добровольно пришел на смерть, но так, что страх или трепет не овладели Им. Но неужели мы скажем, что вследствие того, что Бог живет во славе. Он не воспринял на Себя поношения, проистекающего из страданий, и, таким образом, желая почтить Его, станем отрицать, что Им подается помощь людям? Какое унижение мог претерпеть в страдании бессмертный Бог, Который Своей смертью посрамил смерть? Бог не знает и страдания стыда, вследствие чего Он мог бы стыдиться страдать, поскольку гордость всегда чужда Ему. Каким образом Бог мог претерпеть стыд, бессилие или поношение пришествием на смерть, чтобы отвратить смерть от людей? Ибо, кто ищет суетной славы и боится лишиться ее, тот никогда не захочет перенести страдание смерти. Почему бы Бог мог бояться, чтобы у него не отняли славы и не лишили ее навеки? Для Бога предпочтительнее страдание от железа или огня, чем страдание от [желания] суетной славы. Ибо этого последнего страдания Бог не мог бы исцелить, если бы оно было у Него самого. Но если Бог не жаждет славы, потому что Он выше всяких страданий, то Он может прийти на смерть, так как, поскольку Он — жизнь. Он может претерпеть смерть и смертных избавить от смерти, так как Он сам — бесстрастный Бог, даже когда Он находится в страданиях. Ибо, когда кто-либо претерпел страдание, будучи бесстрастным, и вместе с тем отразил его от себя, как такой не поспешил бы с радостью вступить в брань со смертью, чтобы упразднить смерть? Ибо живущий, если он боится от смерти претерпеть смерть, не есть действительно живущий; а Тот живущий, Который не подвержен смерти. Сам вызывает ее, чтобы Своей смертью показать, что он есть жизнь. Так именно мы видим, что лучи света, когда смешиваются с мраком, не становятся причастными ему и не претерпевают потемнения, хотя и пребывают во мраке. Ибо примесь мрака не только не потемняет света, но скорее свет своим сиянием освещает мрак. И действительно, подобно тому как слабый муж побеждается более значительным, превосходнейшим и сильнейшим или как с удалением света мрак остается в своей темноте, так и Бог Своим добровольным пришествием на смерть не навлек на Себя ничего заслуживающего поношения, когда, напротив, показал Свое превосходство над всем, сокрушив власть смерти и лишив смерть господства над всем, каким она [прежде] услаждалась. Естество же Бога в смерти пребыло нетленным и силою бесстрастия сокрушило страдания наподобие света, который смешивается с тьмой. Ибо страдания тогда должны считаться поистине сильными, когда они, выдерживая борьбу с противоположными вещами, сами остаются тем, чем были. Но это смешение должно происходить не в воображении или в мысли, а в действительности. Итак, если существа взаимно противоположные, которые по присущей им силе могут оставаться нетленными и нечувствительными к страданиям, даже когда они смешиваются с другими существами, как, например, саламандра, которая может презирать пламя, и как алмаз, когда по нему ударяют железом, — ибо все это, как мы сказали, не в воображении только или в мысли остается невосприимчивым к страданиям, — так вот, если саламандра, подвергаясь действию огня, остается невредимой, не претерпевая никакого ущерба от своего соприкосновения с огнем, если, говорю, материальные существа, по-видимому, не испытывают никакого изменения в своей субстанции, даже когда смешиваются с другими существами, производящими повреждение, но, напротив, остаются целыми и невредимыми и не лишаются ничего из своей

сущности, — то какое препятствие или какое затруднение мы найдем в том, что нетленная сущность Бога остается бесстрашной, даже когда входит в соприкосновение с вещами, причиняющими страдание?

13. Не верь, о Феопомп, тому, что некоторые, как известно, искусно утверждают, именно что блаженнейший и нетленный — тот, кто ни сам не проявляет деятельности, ни другому не предоставляет действовать. Ибо, кто таков, тот страдает бессилием. Ибо, кто осмелится назвать того, кто не открывает пути к добродетели, не делает людей знающими, не научает других мудрости, не понимает правого, не заботится о спасении душ, воздерживается от совершения добродетели, — кто, говорю, осмелится назвать такого блаженнейшим и высшим благом? Каким образом может статься, что блаженнейший и нетленный Бог не захотел вырвать корень злых помышлений или по присущей Ему благодати изгладить как бы пожаром из душ смертоносные влечения? Ибо блаженнейший и нетленный тот, кто умерщвляет страдания, делает людей мудрыми, сообщает Божественное ведение и являет добродетель. Мы же говорим, что для Бога было бы величайшим страданием нерадеть о людях, не хотеть совершать благое и не иметь попечения о человеческом роде. Но того, кто преследует пагубные действия страданий в самом корне, именно в человеческой мысли, и своим предусмотрительным попечением обращает людей, имеющих задатки добродетели, из испорченных в добрых, — как не назвать такого бесстрашным, когда он отгоняет от людей страдания и причиняет смерть страданиям?

14. Посему ты, о Феопомп, в сердце своем, как на судилище, произнеси решение, идя по стопам мудрости, обрати внимание и непобежденной мыслью и трезвым умом рассуди, следует ли нам говорить, что у существа блаженнейшего и нетленного возникает страдание тогда, когда оно оказывает нам помощь, милосердие и свое благоволение, или тогда, когда оно показывает себя жестоким, суровым, лишенным милосердия и какого бы то ни было сожаления — Мы же признаем бесстрашным в особенности того Бога, Который является виновником благих дел и Который из глупых делает мудрыми. Ибо несправедливо назвать блаженнейшим и нетленным того, кто никогда не заботится о человеке. Ведь человека мудрого и разумного мы узнаем только по делам, которые совершаются его искусством, и никто не называется художником или знатоком прежде, чем увидят, что он изменяет вид ничтожной и бесформенной материи и посредством искусства, которым владеет, создает из них художественное произведение, когда оно делается доступным для чувств, делает явной сокрытую в нем мысль художника. Поэтому насколько яснее мы должны представлять и называть блаженнейшим существом высшее, когда его блаженнейшая природа, которая всегда присуща ему, открыта нам, а когда мы видим дела этого блаженнейшего существа, то из них мы научаемся о нем еще большему. Но те, которые усвоили себе тот взгляд и представление, что блаженнейшее существо пребывает только в своих обителях, замкнуто в самом деле, созерцает самого себя, ко всему относится с одинаковым презрением, покой предпочитает попечению обо всем и в себе самом находит удовлетворение, и которые говорят, что в нем возникают страдания, когда оно проявляет заботу обо всем, — я не знаю, что сказать о них? Каким образом может называться блаженнейшим и нетленным то существо, которое человеческий ум никаким образом не в состоянии и исследовать? Но если это так, то перестань думать, что это — истинная природа Божия, так как доселе ты не знаешь Бога, когда говоришь, что Он от вечности по необходимости остается совершенно бездеятельным. Ибо каким образом может быть блаженнейшим и нетленным тот, кто доступен твоему исследованию? Я же, напротив, утверждаю, что блаженнейший и щедрый раздатель благ — тот, кто является помощником и подателем силы тем, которые лишились надежды. Ибо подобно тому, как мы не можем словом своим порицать низости злых если мы прежде не увидим их злых дел, — ведь не можем же мы точно представлять завершения дел, пока они сокрыты в мысли и обнаружались, — так равным образом блаженнейшее и нетленное существо называем

блаженнейшим тогда лишь, когда оно совершает дела, свойственные его благодати, [называем блаженнейшим] ради явно обнаружившихся благих дел, какие от него проистекают. Созерцание видимого открывает сокровенное. Ибо благоразумие мудрого и благоразумного мужа в своих отличительных качествах познается прежде, чем ее сделают очевидной дела добродетели, с радостью законченные. Но как мы можем сообщить людям о величии разума блаженнейшего существа, пока оно не представило ни одного случая к тому, чтобы, постигая его, мы были в состоянии говорить о нем? Ибо если кто не вызывает в нас душевного движения своими благими делами или если кто не привлекает нас к себе [своей] славой, — как мы можем приписывать тому благодать, пока его благодать и щедрость совершенно сокрыты?

15. Если же ты имеешь такое мнение о Боге, то это твое дело, а не Божие, так как Он — блаженнейший и щедрый в Своих дарах. Его ты не можешь постигнуть, так как Он не явил тебе Своей нетленной природы, которая превыше всего, если только Он пребывает в том высшем наслаждении, которое Богу, о котором ты утверждал, что оно, по твоему суждению, исключительно прилично Богу и Бог к нему постоянно возвращается и в него погружается, так что и Сам ничего не делает и другим ничего не позволяет делать. Ибо всякий, кто таков, слаб. Скажи нам, о мудрый Феопомп, какому страданию или какому бессилию подверг Себя блаженнейший и нетленный Бог, принося людям помощь, которую они могут чувствовать, в особенности тем, которые по неведению лишаются ее благ и силой страданий увлекаются в бездну, откуда сами собой не могут достигнуть добродетели. Если на время позволено будет сказать смело, то нельзя признать блаженнейшим и нетленным того, кто не призывает людей, в некотором смысле упавших с корабля и погрузившихся, поскольку они не ведают Его благодати или не влечет их к себе, когда они, пребывая в океане мира, не смогли достигнуть добродетели и сделались чуждыми Богу (ср. [Еф.4:18](#)). Ибо что за блаженнейший Бог, богатый в своих дарах, превосходящий щедростью Своей благодати. Которому не присущи ни радости, ни заботы, ни милости, ни иное какое-либо из тех качеств, которые приличны добродетели и которые составляют средства обнаружения для Бога, щедрого в своей помощи.

16. Поэтому если ты, увлеченный воображением, хочешь сочинить и нарисовать себе Бога, Который любит самого Себя, пребывает в Своих богатствах, наслаждается Своей славой и не хочет никому оказывать содействия, людьми пренебрегает и отвергает их, лишает помощи блаженнейшего существа, то какова жестокость по отношению, к тем людям, которые, не зная добродетели, погибают массами! И это — существо блаженнейшее, щедрое в своих дарах! Но оставим то, что можно говорить при таком положении дел, и пойдем к мудрецам, чтобы у них поучиться познанию истинной философии, так как они тех, которые падали и заблуждались в этом мире, призывали и делали близкими к себе. Если бы философы молчали, когда люди гибли толпами, то погиб бы молчаливый Критий из-за своей любви к власти; погиб бы в своей говорливости Алкивиад вследствие расточительности. Персы и мидяне отличались доблестью в Сузах, прежде чем они опоясались оружием, чтобы идти в Македонию. Итак, что молчишь ты, о блаженный [Боже], при гибели всех этих [людей], когда мудрецы не хотели молчать, чтобы помочь им? Это природа добродетели, о Феопомп, это плод философии, именно чтобы те только почитались блаженными и великодушными, у которых забота не только о себе, но также и о ближних, в особенности о тех, которые подвержены страданиям души. Даже сам Диоген циник, когда однажды афинянин смеялся над ним в таких словах: «Почему ты, когда хвалишь лакедемонян и порицаешь афинян, не отправляешься в Спарту?», говорят, ответил так: «Врачи обыкновенно посещают больных, а не здоровых». Поэтому, если человеческая философия и сама умеет лечить болезни души и тем, которые стремятся к добродетели, не позволяет отталкивать или презирать даже только одну душу какого бы то ни было человека, но побуждает спешить, чтобы заботливо возвратить людей [на надлежащий путь] и спасти тех,

которые отпали от добродетели, — как нам не сказать, что тот Бог, Который есть учитель всякой философии, Который есть поистине блаженнейший и щедрый, пришел по Своей воле сюда, где множество страданий избрало себе местопребывание, к тем, которые порабощены страданиями? Неужели мы скажем, что это не страдание души, если кто не совершает дел, которые приличны добродетели? Сам Исократ, когда немного раньше писал к жителям Абдеры, сказал, что болезнь души есть любовь к деньгам. И далее присовокупил: «Жалка жизнь людей, так как всюду проникла, подобно зимнему ветру, любовь к деньгам, которой никто не может противостоять». О, если бы все врачи собрались против этой болезни, излечили сумасбродство этого безумия и бедствие мучений, не говоря уже о том, чтобы не провозглашали этой болезни счастьем! Я думаю, что из всех болезней души самым тяжким безумием является то, которое создает похотливые желания и пустые помышления, — если оно медиками посредством какой-либо силы очищается, душа чувствует себя хорошо. О, если бы возможно было отсечь горький корень похоти так, чтобы не было больше никакого остатка от нее, и если бы ты увидел, что люди, одновременно больные телами и душами, очищаются и просветляются! Поскольку же в этом мире на род человеческий обрушились бесчисленные бедствия, то [Бог] может быть назван блаженнейшим и щедрым в своих дарах [только] тогда, когда окажется, что при бесстрастии Своей природы по приличной Богу благости Он разделяет всем людям Свои дары. Ибо сам Платон сказал: «Зависть находится вне пределов Божественного существа».

17. Поэтому пришел, о блаженный, пришел Иисус, Который есть Царь над всем, чтобы исцелить тяжкие болезни людей, как существо блаженнейшее и щедрое в своих благах. Но сам Он, оставаясь тем, чем был, Своим бесстрастием рассеял страдания, как свет изгоняет тьму. Итак, Он пришел, поспешая пришел, чтобы сделать [людей] блаженными и исполненными благ, обратить из смертных в бессмертных, воссоздать и утвердить в блаженстве. Ему, славному Царю, слава вовеки. Аминь».